

**Г.В. Кучумова,
Самарский университет;
Н.В. Барабанова,
Самарский университет**

**АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ФИГУРА ЗЕМЛЕМЕРА
В РОМАНЕ ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА «ИЗМЕРЯЯ МИР»**

Современная информационная и цифровая среда направляет вектор внимания художественной рефлексии на осмысление новой рациональности в познании (измерении) мира и человека. Австрийский писатель Даниэль Кельман в романе «Измеряя мир» актуализирует архетипическую фигуру землемера, указывая на опасность построения цифрового фундамента современной культуры, когда из процесса познания мира исключается реальный человек.

Ключевые слова: архетипическая фигура землемера, Даниэль Кельман, роман «Измеряя мир», новая информационно-цифровая среда.

**G.V. Kuchumova,
Samara University;
N.V. Barabanova,
Samara University**

**THE ARCHETYPAL FIGURE OF A SURVEYOR
IN DANIEL KELMAN'S NOVEL "MEASURING THE WORLD"**

The modern information and digital environment directs the vector of attention of artistic reflection to the comprehension of a new rationality in cognition (measurement) of the world. The Austrian author Daniel Kehlmann actualizes the archetypal figure of a surveyor in his novel "Measuring the World". He points out the danger of building a digital foundation of modern culture when a real person is excluded from the process of cognition of the world.

Keywords: archetypal figure of a surveyor, Daniel Kehlmann, novel «Measuring the World», new information and digital environment.

Новая реальность последних десятилетий XXI века диктует новые художественные стратегии и новую исследовательскую оптику. Мир постмодер-

нистский (ризоматичный, калейдоскопичный, поверхностный) с его замысловатой игрой безличных языковых конструкций, в котором рушится единая мера измерения/познания мира и исчезает пространство в скоростных информационных потоках, сменяется новой реальностью информационно-цифрового порядка. Сегодня восприятие пространства обусловлено иной конфигурацией социокультурного поля и новыми историко-эстетическими обстоятельствами. В новейших философских и культурологических построениях настойчиво звучит мысль о необходимости прихода «Второго Просвещения» с его сверхзадачей возвращения к новому единству мира, к новой рациональности, к познанию (измерению) мира и человека на цифровых платформах [1]. Художественная рефлексия, соответственно, испытывает потребность вернуться «назад к реальности», материально ощущаемой, и вновь осмыслить ее в декартовых координатах.

В корпусе немецкоязычных текстов XXI века отметим роман австрийского писателя Даниэля Кельмана (Daniel Kehlmann, 1975) «Измеряя мир» (*Die Vermessung der Welt*, 2005), представляющий собой игровой диалог с ценностями и достижениями эпохи Просвещения в сфере точных наук. В лице двух знаковых фигур немецкого Просвещения (естествоиспытателя Александра Гумбольдта и математика Карла Гаусса) автор обозначает стратегию «измерения мира» как способа рационального познания мира: *das Leben erforschen [...] mit der es den Globus umspanne* [2, с. 26]. Здесь Кельман по-постмодернистски виртуозно, с юмором и легкой иронией обыгрывает архетипическую фигуру землемера как образно-смысловую константу, знаковую для мирового культурного контекста, вписывая своих героев в галерею известных измерителей мира.

Литературная история отсылает нас к фигуре первого землемера («Робинзон Крузо», Д. Дефо, 1719). Робинзон, размечая территорию своего обитания на необитаемом острове, все подсчитывает, все измеряет, всему ведет учет: от количества зерна, голов скота, количества дней до количества добра и зла, случившихся в его жизни. Его измерительный труд есть, по сути, серьезная деятельность в поисках способа выживания в естественной среде. Зловещая фигура землемера К. (роман «Замок» Ф. Кафки, 1922) указывает на ненужность измерительной (познавательной) деятельности в социальном пространстве тотального контроля, отмеченным всеобщим страхом. Землемер из романа М. Турнье «Пятница, или Лимбы Тихого океана» (1967) проходит через те же этапы развития цивилизации, что и классический Робинзон Д. Дефо (землепашество, скотоводство, гончарное дело и т. д.). Однако порядок, со-

зданный Робинзоном Турнье на острове благодаря его чрезмерно активной измерительной деятельности, сводится к абсурду. Показательна цитата из романа: «Я хочу, я требую, чтобы отныне все вокруг меня было вымерено, доказано, сертифицировано, математически высчитано, рационально. <...> Я хотел бы, чтобы каждое растение имело этикетку, каждая птица была окольцована, на каждом млекопитающем стояло клеймо» [3, с. 156]. Такая одержимость к измерениям всего и вся проецируется автором на современный мир.

На универсальность фигуры землемера указывает и Д. Кельман. «Пространство есть везде! Пространство появляется только там, где побывал землемер» [4, с. 121]. Его герой Гумбольдт занимается измерениями дальнего радиуса исследования (Европа, Африка, Америка, Россия), а Гаусс тем временем измеряет ближайшие окрестности, заложив основы геодезии как таковой. В духе постмодернистской игры автор переводит рациональное и серьезное в модус забавного и смешного, а весь мир и самого человека низводит до функции измеримых вещей [5, с. 130]. В романе акцентируется одержимость чудака Гумбольдта, который «измерял каждый холм, каждую низменность» [4, с. 41]. Путешественник Гумбольдт изучает берега реки Амазонки, в России исследует глубину и длину Волги, подробно изучает устройство потемкинских деревень. Обвешанный измерительными приборами, «он носился по полям и холмам, и местные жители считали его придурком» [4, с. 19]. Точность приборов из арсенала Гумбольдта (барометр, теодолит, гигрометр и др.) забавно соотносится с надежностью прибора из лаборатории одного бразильского старика, никогда не покидавшего свою деревеньку. Бразильский чудака сконструировал «самодельный аппарат, стрелки которого вышибало, если вблизи него лгали или несли всякую чушь» [4, с. 45]. В другом романном эпизоде Гаусс просит работников спилить деревья, поскольку ему необходимо провести прямую линию и измерить расстояние теодолитом (буквализация метафоры «прямолинейный человек»).

Кельман отмечает рационализм, холодный и расчетливый ум, калькулирующий и измеряющий всё через понятие и число. Поведенческая модель «великих измерителей» обнаруживает «мертвость» рационального знания и определяется этической схемой «моральной эксклюзии» [6], то есть неспособности к получению живого отклика от другого человека. Для эксцентричных героев Кельмана собранные научные данные становятся более реальным событием, чем конкретные люди и их проблемы. *Am konkreten lebenden, leidenden Menschen sind beide Helden nicht interessiert* [2, с. 89]. Так, Гумбольдт не замечает важных событий вокруг (начало войны) и в собственной семье рождения ре-

бенка, а Гаусс проводит первую брачную ночь за письменным столом, усердно корректируя ошибки в измерении орбиты планет. Здесь важна ремарка самого Кельмана: современное манипулирование человеком и его природой через число ведет свой отсчет с XIX века: *die kalkulierte Ausbeutung des Menschen und der Natur begann ab dem 19. Jahrhundert* [2, с. 112].

В финале оба романских «измерителя» приходят к выводу о непознаваемости и неизмеримости мира, смиренно принимая на излете своей жизни мир таким, каков он есть. Благие намерения Александра измерить мир завершаются крахом. Собрав огромное количество фактического материала, Гумбольдт осознает, что «потерял всякий ориентир, где что находится» [4, с. 131], а старик Гаусс понимает, что он никогда не сможет вывести формулу звездного неба и что «вся его работа и такая жизнь – что-то абсолютно чуждое и ненужное само по себе» [4, с. 117].

В контексте современных реалий роман «Измеряя мир» можно рассматривать как карикатуру на современную тенденцию «всё измерять и всё измерить». Современные измерители, как и герои Д. Кельмана, одержимые страстью к подсчетам и измерениям, забывают известную аллегория Платона о пещере («Государство»). В ней Платон указывает на главное: сначала проникнуть в суть самих идей, затем измерять и судить о них. Роман Д. Кельмана с его центральной фигурой землемера представляет собой развернутый диалог современной культуры и культуры эпохи Просвещения с ее идеями и теориями, максимами и формулами. Игровой формат этого диалога автор выстраивает в ярких зарисовках и забавных ситуациях не для критического ниспровержения великих умов прошлого, а для осмысления серьезных аксиологических и онтологических проблем современности. Таким образом, Даниэль Кельман пытается донести до читателя опасность построения цифрового фундамента современной культуры, когда из процесса измерения мира вновь исключается живой реальный человек.

Список литературы:

1. Каграманов Ю. На подходе ко Второму Просвещению // Дружба народов, 2014, № 1 // <https://magazines.gorky.media/druzhba/2014/1/na-podhode-ko-vtoromu-prosveshheniyu.html>
2. Kehlmann, D. Die Vermessung der Welt. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2008. 302 S.
3. Турнье, М. Пятница, иди Тихоокеанский лимб / пер. с фр. И.Я. Волевич. СПб.: Амфора, 1999. 301 с.

4. Кельман, Д. Измеряя мир / пер. с нем. Г. Косарик. СПб: Амфора, 2009. 135 с.

5. Кучумова, Г.В. Роман Д. Кельмана «Измеряя мир»: Игровой диалог с немецким Просвещением // Культурные коды мировой литературы: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 13 ноября 2020 г.) / отв. редактор Г.Г. Ишимбаева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 125-137.

6. Hagner, M. Geniale Gehirne. Zur Geschichte der Elitegehirnforschung (Reihe Wissenschaftsgeschichte). Göttingen: Wallstein Verlag, 2004. 375 s.